

ДОРА КОУСТ

СЕКРЕТАРЬ
для **ЗЛОДЕЯ**

Дора Коуст
Секретарь для злодея
Серия «Секретарь на удачу», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69490693
Д. Коуст. Секретарь для злодея:*

Аннотация

Незнакомый город, в кармане ни копейки, а рядом мужчина... Он уверяет, что хочет помочь. Я не верю. Но разве могу я отказаться, когда у меня на руках двухмесячная дочь?

Книга издана в новой редакции.

Содержание

Глава 1. Марина	5
Глава 2. Павел	24
Глава 3. Марина	36
Глава 4. Павел	53
Глава 5. Марина	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дора Коуст

Секретарь для злодея

Дора Коуст

* * *

Глава 1. Марина

– Как ты мог? Как ты мог? – шептала я, прижимая к себе детскую переноску.

Аришка спала. Легонько причмокивала пухлыми губами. Только она и удерживала меня от истерики. Если бы ее здесь не было, я бы уже, наверное, кричала, а так... Слезы тихо скатывались по щекам, а в груди разливалась боль. Он предал меня, он предал нашу любовь.

– Ваня, это кто? – спросила красивая блондинка, облаченная в элегантный черный деловой костюм.

Она стояла рядом с ним, доверчиво положив пальцы с идеальным французским маникюром на его грудь прямо поверх белоснежной рубашки. Ваня обнимал ее за талию, крепко прижимал к себе и не отстранился даже тогда, когда увидел на пороге своего кабинета меня.

Когда я вошла, они целовались. Целовались страстно, упоительно, но на лице Ивана не осталось красной помады, которая лежала на губах девушки. Блондинка смотрела на меня снисходительно, улыбалась с жалостью и каким-то удовлетворением во взгляде.

– Бывшая жена, – ответил он сухо.

Злость. Я видела ее, ощущала настолько хорошо, как если бы ее можно было потрогать. За что мне это? Почему так больно? Зачем он так со мной?

– Я не бывшая, – ответила, но голос дрогнул.

– Это ненадолго, – презрительно выплюнул Ваня.

Мой Ванька. Тот, с которым я дружила с первого класса. Тот, который подарил мне первый поцелуй и стал моим первым и единственным мужчиной. Тот, вместе с которым я объездила всю страну в прошлом году, когда его переводили из филиала в филиал. Если бы не тяжелая беременность, я бы и сюда за ним поехала, но была вынуждена остаться и жить вместе с его родителями все прошедшие девять месяцев. А он... Он даже на преждевременные роды не приехал, отговариваясь работой. Теперь я своими глазами видела, какая у него работа.

С трудом уняв обливающееся кровью сердце, я вытерла слезы и постаралась взять себя в руки. Не могла поверить. Просто не могла поверить, что такое может быть. Что такое могло произойти со мной, с нами. Екатерина Эдуардовна отговаривала меня ехать, и я даже согласилась с ее доводами, что Аришка еще маленькая – всего-то два месяца, – но уже через час собралась и отправилась на вокзал. Не брала с собой вещи – наплечная сумка была заполнена всем необходимым для Аришки. Больше попросту не унесла бы, а теперь жалела.

– Я перечислила тебе деньги за продажу квартиры. Верни мне их сейчас же, – потребовала я, стараясь не повышать голос.

В прошлом месяце я продала мамину квартиру, которую

все это время сдавала жильцам, и перевела деньги Ване, чтобы он внес первый взнос по ипотеке. Правда, ипотеку он так до сих пор и не взял. Говорил, что хочет найти для нас самую лучшую квартиру, сделать в ней ремонт, купить мебель... Мы с Аришкой должны были приехать на все готовое – наверное, через год. Я так радовалась. Хвасталась знакомым тем, какой мой Ваня заботливый, как старается для нас. А Ваня оказался не моим, да и не старался, судя по всему.

– Какие деньги? Что ты несешь? – взбеленился он, обходя свой стол.

– Не кричи, Ариша спит, – прошептала я.

– Уезжай, – выплюнул Иван, больно схватив меня за локоть. Даже через пуховик почувствовала.

– Отпусти меня! – вырвала я свою руку. – Верни мне деньги!

– Я у тебя ничего не брал и не знаю, на что ты их потратила! Уезжай! – вытолкнул он меня в коридор и захлопнул за собой дверь.

– Ты что? – воскликнула я, прижимая к себе переноску. – Я подам на тебя в суд!

Аришка все-таки проснулась и заплакала. Пыталась успокоить ее, но буквально разрывалась между ней и Ваней.

– И что скажешь? – мерзко улыбнулся супруг, сложив руки на груди. Прислонившись плечом к косяку, смотрел на меня с отвращением. Я просто не узнавала его. Будто совсем другой человек – чужой и злой. – Мы в браке, детка. Ты пере-

числила мне деньги сама, по своему желанию. Никаких расписок я тебе не давал. Потратил на тебя же – обратное не докажешь. Да заткни ты ее уже!

Слезы прорвались с новой силой. Ручейками потекли по щекам, срываясь с подбородка и впитываясь в ткань пуховика. Часто дышала, захватываемая истерикой. Ни единой мысли в голове: раздавлена, разочарована, растоптана. Как дальше? Куда дальше?

– Не кричи, – еле-еле смогла я выдавить из себя, зажавшись.

– Уезжай. Я приеду на той неделе, и мы подадим документы на развод. Прекрати реветь! Чего ты хотела? Чтобы я содержал тебя всю свою жизнь? Что меня ждет рядом с тобой? Ни-че-го. Уезжай, детка, и разойдемся по-хорошему, – скривился он, будто съел лимон.

– Отдай деньги, – попыталась я призвать его к совести.

– Я уже все тебе сказал. На вот, на мороженку, – достав кошелек, всучил он мне пятьсот рублей. – Только деньги от меня и нужны...

Купюра смялась в моих пальцах. Я хотела бросить ее ему обратно в лицо, но просто не успела. Дверь перед моим носом закрылась, а мы с Аришкой так и остались в коридоре. Нас предали, а мы могли только плакать.

Я сама была виновата. Что я могла против него? Да ничего. Он был прав, я ничего не смогу доказать. Квартиру я унаследовала еще до брака, а продала месяц назад. Полови-

на денег так и так принадлежат ему, но правда в том, что я отправила ему все, оставив себе тридцать тысяч на черный день. Они лежали на банковской карте, а карта...

Карту, как и все деньги, которые имелись у меня в кошельке, кто-то вытащил из сумки. Подозревала, что это случилось в поезде, потому что кошелек мне благородно оставили. Там было-то всего две тысячи на обратный билет. Думала, что, если понадобится, сниму с карты, а ее пришлось спешно заблокировать по телефону прямо на вокзале. Вот такая я неудачница.

Не могла просить деньги у Вани. Снова вернуться в этот кабинет? Предстать заплаканной перед этой блондинкой? Унижаться... Хотя, куда еще больше? Сейчас это было выше моих сил, хотя я и понимала, что возвращаться обратно мне попросту не на что. Чтобы не разрыдаться еще сильнее, смяла купюру и пошла к лестнице. Здесь мне точно делать было больше нечего, но и там, у родителей Вани, меня, судя по всему, обратно никто не ждал.

Не зря свекровь так ярко меня уговаривала не ехать, а я всего лишь хотела сделать сюрприз, потому что уже безумно соскучилась. Мне было мало редких разговоров по телефону и видеозвонков по скайпу. Он все время был занят, говорил, что трудится без выходных и даже по ночам, чтобы получить более высокую должность, а я верила как чертова дура! Даже не знала, по какому адресу он живет, потому и приехала на работу. Центральный филиал компании, в которой он рабо-

тал, здесь имелся только один.

– Ну что, дочка, нашла мужа? – поинтересовался охранник у дверей на первом этаже.

Именно этот мужчина и подсказал мне, где искать кабинет этого мерзавца. Уж лучше бы я действительно не приезжала. Хотя, с другой стороны, гуляла бы сейчас с Аришкой и ни о чем не знала, пребывая в счастливом неведении. А он бы наверняка все равно изменял и, возможно, бросил, потому что рядом с этой блондинкой с красными губами я даже рядом не стояла. По сравнению с ней я была серой мышью – уставшей и затюканной.

Знала одно: предательство я никогда не смогу простить. Когда-то точно так же отец бросил мою маму, но только она еще не успела родить. Как можно относиться так к своему ребенку? Как можно быть таким безответственным по отношению к своей семье?

– Нашла, – выдавила я из себя жалкую улыбку.

Аришка не кричала, но все еще попискивала. Казалось, что плачет вместе со мной. Не понимала, кого мне было жальче – себя или ее. Сердце болезненно сжималось за обеих. Куда мы с ней теперь? Кому мы нужны?

Для начала нужно было вернуться обратно, собрать вещи и найти себе жилье. Не представляла, как теперь буду жить. Да и на что? Ходить на работу не могла – Аришке только два месяца, а оставлять ее с родителями этого мерзавца я просто боялась. Осознавала, чем мне грозит развод. Я не рабо-

таю, у меня нет жилья и образования. Естественно, если захочет, Ваня сможет запросто ее отсудить, но навряд ли она ему нужна. Он ее и видел-то до сегодняшнего дня только по скайпу. А вот его родители могут настоять и забрать нашу дочку себе...

– Ничего, Аришка, – успокаивала я, но не ее, а скорее себя. – Мы с тобой обязательно прорвемся. Вот увидишь, все будет хорошо.

Дочка успокоилась и снова заснула в сумке-переноске, которую я осторожно покачивала, прижимая к себе. Дойдя до ближайшей лавочки, присела на нее и поставила переноску рядом, поправляя Аришке одеялко. Она была такой сладкой, такой красивой...

Хотелось выть. Нестерпимо хотелось выть, закрыться от всех и... Не знаю что. Просто не знаю.

Я действительно любила Ваню. Я его боготворила, всегда восхищалась им и тем стержнем, которым он обладал. И он меня любил. Нежный, заботливый, внимательный. Куда все это делось?

Так обидно было слышать, что мне от него нужны только деньги. За последние девять месяцев, как только я переехала к его родителям, он не прислал мне ни копейки. Я жила на то, что выручала от аренды. Покупала продукты, кровать, одежду, а он откладывал свою зарплату нам на квартиру... Идиотка, непроходимая дура!

Не могла себя жалеть. Как-нибудь потом, чуть позже, ко-

гда все войдет в колею, а все проблемы, свалившиеся в одночасье, решатся. Собиралась с силами. Успокаивалась, делая глубокий вдох, а за ним и медленный выдох. Нужно хотя бы на время прийти в себя и отыскать ближайшее отделение банка, чтобы снять деньги со счета. Здесь мне делать совершенно точно нечего.

– Простите, у вас что-то случилось? – спросили совсем рядом, а я вздрогнула, поднимая взгляд на мужчину, что стоял передо мной.

Он был облачен в деловой костюм, что лишь немного просматривался через расстегнутое пальто. Темные волосы, аккуратная стрижка, карие глаза и широкие плечи – это все, что я мельком успела отметить, прикрывая рукой сумку-переноску.

– Я мужа жду, – ответила я на автомате, как отвечала всегда, когда ко мне кто-то приставал.

– Вытрите слезы, – протянул он мне платок, поглядывая на переноску. – Лицо замерзнет.

Едва я взяла платок, мужчина развернулся и пошел к тому самому зданию, откуда я вышла несколькими минутами ранее. Я недоуменно провожала взглядом его спину, отмечая уверенный широкий шаг и отсутствие шапки. Небольшая кожаная борсетка покачивалась в его руке.

А ведь действительно не лето. Весна только-только вступила в свои права. Днем на дорогах образовывалась слякоть, а к вечеру все покрывалось льдом. На автомате вытерев сле-

зы, я подумала о том, что не смогу вернуть ему платок, но другая мысль оказалась важнее: нельзя долго здесь сидеть, потому что Аришка может замерзнуть и заболеть.

Найдя в интернете ближайшее отделение своего банка, я посмотрела, как и на чем до него можно добраться. По всему выходило, что самый дешевый способ – это автобус. На остановку мы и отправились, чтобы уже через час разочарованно стоять перед девушкой-менеджером. Едва ее увидев, я вздрогнула, потому что банковский эксперт была чертовски похожа на ту блондинку, которая целовалась с Ваней, но при близком контакте поняла, что из общего у них только цвет волос, деловой костюм и внешняя холерность.

– Ну а мне что делать? Мне деньги сейчас нужны, – едва сдерживалась я, чтобы не заплакать. – У меня в поезде все украли.

– Я вас понимаю, – заученно ответила она, не испытывая ко мне ни капли жалости. Лицо ее оставалось бесстрастным. Создавалось ощущение, что она побыстрее хочет от меня избавиться. – Но, увы, ничем не могу вам помочь. Пишите заявление на перевыпуск карты. Через неделю получите пластик и сможете снять деньги.

– А что я буду делать эту неделю? – в отчаянии воскликнула я. – Я в чужом городе с грудным ребенком, и мне негде жить.

– Простите, но ничем не могу вам помочь. Карту перевыпускать будете?

Подхватив переноску, я вышла из банка и погрузилась в не слишком теплый весенний вечер. В воздухе витал запах талой воды, а каша под ногами уже превращалась в неровный слой льда. Я шла в соседнее здание, где видела кафе. Лишь чудом еще не ударилась в истерику. Пальцы мелко подрагивали, меня трясло, но я крепко прижимала к себе переноску. Аришка проснулась и что-то тихонько лепетала, то и дело замолкая, когда от дороги слышались особенно громкие звуки. Улыбалась мне беззубой улыбкой, а я понимала, что ее давно пора кормить.

– Сейчас покормлю тебя, Аришка. Все будет хорошо, вот увидишь, – улыбалась я в ответ, не желая, чтобы она чувствовала мой страх и тревогу.

Есть хотелось жутко. И не только мне.

Сделав заказ – куриный бульон с яйцом и гренками, зеленый чай и натуральный йогурт с бананом, – я первым делом покормила голодающую, прикрыв себя и Аришку теплым палантином. Когда дочка насытилась и снова заснула, я осторожно поменяла ей памперс. Теперь она будет спать до раннего утра, но обязательно потребует кормежки среди ночи. Еще бы знать, где мы эту ночь проведем.

Часы показали шесть вечера, когда я отыскиала в сумке мобильник. Все-таки есть и плюсы в том, что в детской сумке невозможно ничего найти, – по крайней мере, грабитель не отыскал в ней мой старенький телефон.

– Маша? Маша, привет, это Марина, – тихонько, но тороп-

ливо проговорила я, потому что заряда оставалось совсем немного и его стоило поберечь.

– Привет, как дела? – отозвалась Машка, чем-то шурша рядом с трубкой. – И вот это платье я тоже возьму...

– Что? – переспросила я.

– Чего звонишь, спрашиваю. Случилось чего?

Вкратце пересказав события сегодняшнего дня, я до боли прикусила губу, чтобы вновь не расплакаться. Машка долго и упорно причитала, ругала Ваню и говорила мне, что всегда знала, что он козел, но легче мне не становилось.

– Маш, меня обокрали в поезде. Ты не могла бы заказать и оплатить через интернет билет для меня на ближайшее время? Я тебе верну деньги, как только мне перевыпустят карту.

– Ой, Маришка, ты что? У меня зарплата еще не скоро, денег в кошельке кот наплакал...

– Ладно, спасибо, я что-нибудь придумаю, – шмыгнула я носом, сбрасывая звонок, а телефон выдал мне уведомление о том, что скоро собирается сдохнуть. – Але, Кать, привет! Кать, у меня здесь беда приключилась. Ты не могла бы мне две тысячи занять на неделю?

– Не-не, Маринка. Я только сегодня золото из ломбарда выкупила.

– Ладно, спасибо.

Гипнотизировала телефон, спешно набирая в поисковике ломбарды. Собиралась отыскать самый ближайший, чтобы продать обручальное кольцо. В конце концов, оно теперь мне

было ни к чему. Катька натолкнула меня на выход из ситуации. И как я раньше не додумалась?

Буквально бежала. Крепко прижимала к себе переноску и молилась Богу, чтобы не поскользнуться и не упасть. Время утекало сквозь пальцы. Встречные фары ослепляли, как слепили и фонари. Ярко горели вывески. Слышались голоса веселых компаний. Не могла без боли смотреть на молодые пары. Когда-то и я была такой же счастливой, а сегодня мой мир просто рухнул, не оставив даже фундамента.

– Ну нет! Нет же! Нет! – в отчаянии воскликнула я, остановившись напротив закрытой двери.

В небольшом узком окне света уже не было, а железная дверь не поддавалась. Часы работы на дощечке подсвечивались неоновыми лампочками, как и вывеска. Ломбард работал сегодня до семи – всего-то на десять минут опоздала, а теперь не знала, что делать.

Вытащив мобильник, с тяжелым вздохом набрала номер, который помнила наизусть. Боль царапала сердце, душила, но я задавила в себе порыв снова расплакаться. Больше не имела права на слезы, как бы тяжело ни было. Мелькнула подлая мысль о том, что вот сейчас Ваня мне ответит, рассмеется и скажет, что это была глупая и не слишком удачная шутка, но я не надеялась на возобновление наших отношений. Любила, однако обманываться не желала. Видела его глаза – он смотрел на меня как на грязь, которая попала на его ботинок и испортила его идеальный внешний вид. Как

на мелкую неприятную проблему, отвязаться от которой не удастся.

– Ваня, у меня украли кошелек, – выдала я без предисловий, засовывая свою израненную гордость туда же, где пряталась не менее израненная душа. – Займи мне две тысячи на билет.

– Как проблема, так сразу Ваня, да? – процедил он высокомерно.

– Ты мне поможешь? – прошипела я, кляня собственную злость. Сейчас нельзя ругаться. Он – моя последняя надежда на то, чтобы не остаться ночевать на вокзале.

– Помогу... – лениво протянул супруг, чтобы добавить: – Если не станешь подавать на алименты.

– Что? – ошарашенно возмутилась я.

– Ты слышала. Я не собираюсь платить за твою дурость. Это ты хотела этого ребенка, а не я. Ты хотела – ты получила, а теперь сама разбирайся, – выплюнул он, а я не верила собственным ушам.

Перед глазами промелькнули картины, на которых Ваня выглядел таким счастливым, таким радостным. С каким трепетом он гладил мой еще совсем плоский живот... Как бережно прижимал меня к себе... Нельзя же так играть! И его забота, его нежность...

– Но...

– Так что? Согласна? – поторопил он меня.

– Называй адрес, – выдохнула я подавленно.

– Э, нет, дорогая. Я не хочу, чтобы ты потом сидела у меня под окнами и караулила меня у подъезда. Я приеду через час к офису. Там и поговорим.

Нажав на отбой, я зажмурилась и до боли прикусила губу. Все мышцы были напряжены, меня трясло от негодования, злости, ярости и бессилия. За что мне этот кошмар? Никогда не думала, что так бывает в реальной жизни. По телевизору в дешевых мелодрамах – да, но не в моей жизни.

Страхнув с себя оцепенение, я спешно последовала к зебре. Не стоило тратить время на жалость к себе. Если верить гуглу, путь мне предстоял неблизкий, а в кармане денег не хватит даже на поездку на автобусе.

Руки уставали. Я перевешивала переноску то на один сгиб локтя, то на другой, то просто удерживала обеими руками, обхватив сверху и снизу. Молилась, чтобы не упасть. По тротуарам идти было немного легче, но, когда переходила через дороги, двигалась по ледовым выбоинам семимильными шагами. Облегченно выдохнула лишь тогда, когда наконец добралась до здания, что вполне могло бы претендовать на небоскреб из будущего. Он со всех сторон был обшит серебристым стеклом. Через каждые пять этажей сужался, чтобы ворваться в небо подобием шпиля. Как по мне – слишком помпезно.

Присев на деревянную лавочку недалеко от входа, я поставила переноску к себе на колени, переживая, что Аришка может замерзнуть. Достав телефон, хотела позвонить Ивану,

чтобы сказать, что я уже на месте, но мобильник приказал долго жить. Даже не реагировал, когда я в отчаянии нажимала на кнопку включения, а это могло означать только одно: он вконец разрядился.

Оставалось надеяться, что Ваня меня не обманет. Хотя бы в этом.

Не знала, сколько прошло времени. Ужасно нервничала, потому что Аришка разок просыпалась, но не буду же я кормить ее прямо на улице. В последнее время дамой она была вредной и могла попросить кормежку внеурочно. Сегодня, видимо, повлияла наша затянувшаяся прогулка. Пришлось пользоваться пустышкой, к которой я прибегала только в самых крайних случаях. Ощущала себя потерянной. Дочка хотела есть, а я была вынуждена дать ей обманку, от которой она разве что кричать ненадолго перестанет. Плохая из меня получалась мать.

Ваня все не приходил. Взяв переноску, я пошла к главному входу здания. Наверняка там имеется охрана, у которой можно спросить который час, а возможно, ненадолго napро-ситься погреться. Джинсовая ткань давно накалилась, и ноги мерзли, несмотря на теплые вязаные носки.

– Эй, есть тут кто? – постучала я по стеклянной двери. – Ау!

– Чего надо? Ушли уже все давно, – гаркнули мне откуда-то справа.

Присмотревшись, заметила приоткрытое окно, за кото-

рым стоял грузный мужчина в темной кепке. Он-то со мной и говорил.

– Простите, у меня телефон разрядился. Не могли бы вы подсказать мне, который час? – обратилась я, натягивая на губы самую доброжелательную улыбку, на которую сейчас была способна. А то, что зубы постукивали от холода, ему навряд ли слышно.

– Так девять почти. Шла бы домой. Дитенка простудишь, – посоветовал мне мужчина, собираясь закрыть окно.

– Извините, – крикнула я, подаваясь вперед. – Вы не могли бы мне дать позвонить?

– Тхх! Нашла дурака! – все-таки закрыл он окно, оставив меня один на один с негодованием и проблемой, решить которую мне было не по зубам.

Я отчаялась. В этот самый миг я действительно отчаялась, не зная, как дальше быть. Оставался один вариант – возвращаться обратно на вокзал, но усложняло это дело то, что я не помнила, в какую сторону идти. К тому же денег на автобус у меня не было, а ночь все больше вступала в свои права, погружая город в холод зимы, которая закончилась исключительно в календаре.

Понуро вернувшись к лавочке, я устало села на нее, обняла переноску и... Сдалась. Не знаю, сколько плакала, глядя на маленькое личико дочурки. Она кривилась, когда слышала мои всхлипы, но я не могла остановиться. Вытирала бегущие слезы платочком, который нашелся в кармане. Чу-

жой город, ни копейки в кармане, ни друзей, которые могли бы приютить хоть на время, без связи и... без надежды выбраться из этой передраги.

– Все еще ждете мужа? – поинтересовались где-то сверху.

Вскинувшись, я пыталась сказать хоть что-нибудь, объяснить, но задыхалась рыданиями, заикалась, то и дело всхлипывая, и протягивала платок, который после моих слез не мешало бы постирать. Ну или хотя бы высушить.

– Пойдемте, – зло бросил незнакомец, забирая у меня переноску, в которой дремала Аришка.

Вскочив, хотела вырвать сумку из его рук. Вконец растерялась, опешила. Слышала о том, что в больших городах частенько воруют детей прямо из колясок, а потому собиралась биться до последнего.

– Пойдемте, – произнес он с нажимом, останавливаясь и не давая забрать мне переноску.

Развернувшись, мужчина успел сделать только два шага, когда я запрыгнула ему на спину, пытаясь сделать даже не знаю что. Остановить? Замедлить? Отдать мне дочку?

– Вы с головой дружите? – будто неверяще замер он, свободной рукой стаскивая меня со своей спины за шкурку, словно котенка.

Капюшон пуховика натужно затрещал, а шапка съехала на глаза, но я не сдавалась. Пыталась пнуть его, достать до него хотя бы ногой.

– Отдайте мне дочку! Немедленно отдайте мне дочку! –

кричала я. – Я вас убью, если тронете ее хоть пальцем!

Слова звучали жалко, как и голос. Да я по сравнению с ним вообще была букашкой. Широкие плечи и спина, высокий рост. Мужчина в целом был крупным, но, даже несмотря на страх, я и не думала отступить.

– Я отдам, вы только успокойтесь, – улыбнулся он, глядя на меня насмешливо. Поставив меня на ноги, мужчина даже шапку мне поправил и только после этого протянул переноску, но отдавать, по-видимому, не собирался. – И куда вы сейчас пойдете? Обратно на лавку? – спросил он, а я пыталась забрать Аришку. Даже пальцы его осторожно разгибала, мимолетом отметив то, какие они длинные и крепкие, потому что высвободить ремешки не получалось.

– Даже если так, вам-то что? Я мужа жду, – заявила, поглубже пряча клокотавший ужас.

– Что-то он не торопится. Днем ждали, сейчас вот уже больше двух часов сидите мерзнете. Себя не жалко, так хоть ребенка пожалейте.

– Не ваше дело, – повторила я, звучно шмыгнув носом. Только соплей мне еще и не хватало для полноты картины.

– Не упрямытесь. Если вам негде остаться, вы можете переночевать у меня. Заодно и расскажете, что у вас приключилось. Конечно, если захотите. Вдруг я смогу вам помочь.

Он смотрел на меня так открыто, так искренне, будто распахнул передо мной свою душу. Его глаза говорили «Верь мне», его мягкая полуулыбка располагала, но я буквально

утопала в сомнениях. Еще раз взглянув на лавочку, посмотрела по сторонам, но мужа нигде не было видно. Голос разума кричал, что передо мной человек, которого я не знаю. Он даже маньяком может быть! Но отчаяние подбивало на совершенно глупый по своей сути поступок. Была бы я одна – я бы, не задумываясь, пошла пешком искать вокзал, но с Аришкой...

– Имейте в виду, – расправила я плечи, глядя на незнакомца с вызовом, – я знаю тридцать четыре способа, как убить вас подручными средствами, которые имеются в моей сумке.

– Я в этом даже не сомневаюсь...

Глава 2. Павел

– Простите, у вас что-то случилось? – спросил я, останавливаясь рядом с девушкой, которая сидела на скамейке.

Она привлекла мое внимание судорожными всхлипами и тем, что рядом с ней на скамейке стояла детская сумка-переноска.

Девушка вздрогнула и посмотрела на меня, а я увидел ее раскрасневшееся заплаканное лицо. Опухший нос, дорожки слез на щеках, вздрагивающий подбородок. В карих глазах отражалась боль, но уже через секунду я видел лишь настороженность. Она нахохлилась, словно воробышек, вся подобралась и закрыла руками переноску, как если бы в любой момент была готова схватить ее и бежать.

Смешная. Еще совсем девчонка, у которой, наверное, случилось, по ее мнению, что-то непоправимое. Да только справиться можно с любыми трудностями, если это не смерть.

На меня всегда безотказно действовали Юлины слезы, но за прошедшие два года я и не помнил, чтобы кто-то из знакомых передо мной плакал. Забытые чувства всколыхнулись в груди, сжали горло крепкими тисками, отозвались в сердце болью. Моя жена умерла два года назад, но я до сих пор не мог смириться с этой потерей. Как не мог смириться и со смертью годовалой дочки.

Нелепая автокатастрофа.

Нелепая по своей сути. И пусть уснувшего водителя, который ехал за рулем мазды в то злополучное утро, наказали, мне от этого легче не стало. Поначалу жадно лелеял собственные воспоминания, не давал маме раздать их вещи, сделать ремонт. Подолгу уходил в запой, восстанавливал в памяти все сны, в которых мы были по-прежнему вместе. Врет тот, кто говорит, что время лечит. Оно не лечит. Боль притупляется, но не исчезает вовсе. Пустоту в душе ничем невозможно заполнить, хотя я пытался. После передышки с головой ушел в работу, и именно она меня спасала от сумасшествия. Она и тренировки.

Спорт утром, чтобы избавиться от злости на этот проклятый мир. Работа допоздна, а потом снова спорт, чтобы от изнеможения не снились кошмары, выворачивающие душу наизнанку. В этих кошмарах мы снова ругались, потому что Юля собиралась ехать одна за рулем на другой конец города, не желая ждать, пока я освобожусь. Я настаивал на своем – прекрасно знал, как неуверенно она водит, – но стоило ей заплакать, я тут же сдался. Понимал, что она устала сидеть дома, а потому я отпустил ее по магазинам. Уж лучше бы запер...

Злость на себя всколыхнулась в груди, а я расслышал ответ незнакомки:

- Я мужа жду, – пробурчала она испуганно.
- Вытрите слезы, – сухо бросил я, доставая из кармана платок. Взгляд мой сам собой зацепился за переноску, но я

отогнал ненужную жалость. Пусть муж переживает о ее следах. – Лицо замерзнет.

Войдя в холл первого этажа, я коротко здоровался с подчиненными, что встречались на моем пути. Неестественная тишина в лифте вынуждала задуматься о том, какое у меня сейчас выражение лица. Каждый в моей компании знал, что, если я злой, меня лучше вообще не трогать.

И вот на что я разозлился? На слезы этой девчонки? На то, что сидит на лавочке с маленьким ребенком, несмотря на то, что уже смеркается? Или на то, что этот самый муж держит их на улице вместо того, чтобы скорее появиться?

А все-таки смешная. И шапка у нее смешная – с помпоном. И глаза большие, кажущиеся наивными на первый взгляд. А уж ярко-желтый пуховик. Птичка, да и только. Только не воробышек, а храбрая канарейка. Неловкая, молодая, но жутко гордая.

Печальная улыбка скользнула по губам, а я вышел на двадцать третьем этаже, чтобы отстраненно подумать о том, что за время поездки никто на этажах не выходил и не входил. Синхронный вздох облегчения за своей спиной я расслышал отчетливо, но оборачиваться не стал. Теперь все сотрудники весь день будут ходить как шелковые, потому что если я улыбаюсь, значит дело пахнет жареным.

– Ольга Николаевна, кофе, прессу и предварительный договор от корейцев, – потребовал я, не останавливаясь, заведя, как женщина спешно кладет трубку обратно. То есть ей

уже сообщили о том, что я здесь.

– Сейчас принесу, – почтительно кивнула она, ограничившись в это утро немногословностью.

Зайдя в кабинет, я остановился у окна, вглядываясь в парковую зону перед зданием, но яркого желтого пятна под светом фонарей не обнаружил. Все-таки дождалась.

– Двойной американо, – уточнил я, выглянув за дверь.

Вечер предстоял не из легких.

Никак не мог понять, кто в моем коллективе сливает информацию конкурентам. Так долго добивался ответа от корейцев, предлагал им все блага, чтобы купить этот чертов завод по переработке металла, а буквально на днях узнал, что им поступило второе предложение, ничем не отличающееся от моего, а раз есть спрос, значит, ценность объекта увеличивается. И ладно бы, если бы там действительно были золотые прииски, но завод давно забросили, а значит, в него придется вложиться по-крупному, но, видимо, корейцы понимать это не хотели. Я же желал любым способом прорваться на их рынок. Это открывало для моей компании новые возможности, но кто-то сильно постарался мне насолить.

Пока не удавалось никого поймать за руку. Да и кого подозревать? Предпочитал всех, но о моих переговорах знали лишь единицы, которым я доверял безоговорочно. Осложнялось все тем, что корейцы решили лично приехать сюда, чтобы поочередно встретиться со мной и с моим конкурентом – компанией «ВашМетСтрой». Они выслали предвари-

тельный договор, на изучение и анализ которого у меня имелась только неделя, но пока не знал, что еще могу им предложить, чтобы они не завышали изначальную стоимость. Разве что заложить им собственную душу.

Частенько ловил себя на том, что против своей воли неосознанно подхожу к окну и вглядываюсь вниз. Ночь уже плотно заняла небо, а я все возился с документацией, так и не притронувшись к договору. В итоге решил, что почитаю его дома, – нередко так делал. Все лучше, чем бессонными ночами бесцельно смотреть телевизор.

– И что же мы опять тут сидим? – поинтересовался я у тишины, вглядываясь в желтое пятно внизу, что снова было приковано к лавочке.

Все-таки у нее что-то случилось. Лучше бы дома сидела в тепле, а не морозила ребенка понапрасну.

Спешно покидав документы в папку, я накинул на плечи пальто и схватил борсетку. Нетерпеливо постукивал пальцами по столу, дожидаясь, пока ноутбук завершит работу приложений. Простая комбинация – первый этап, который не даст злоумышленникам проникнуть. Пароль на выключение, отличный от того, с каким происходит включение, – второй этап. Кодовый замок с тросом, прикрепленным к полу, – третий этап. Кто-то бы назвал меня параноиком, но все, что принадлежит мне, я привык беречь.

Мимоходом взглянув в окно, я остановился, всматриваясь в парковую зону. Желтое пятно исчезло, бесследно ис-

парилось, а я подумал о том, что от работы у меня, похоже, разыгралось воображение. Психологи говорят, что люди могут видеть то, что хотят увидеть, но разве я хотел?

«Пусть лучше желтые птички, чем зеленые человечки», — усмехнувшись, подумал я и все-таки вышел в секретарскую.

— Вы закончили? — поинтересовалась Ольга Николаевна, устало потирая виски.

— Да, можете идти домой, — закрыл я дверь на ключ, оборачиваясь.

— Павел Викторович, я хотела с вами поговорить, — обратилась ко мне женщина, поднимаясь.

— Это не дотерпит до утра?

— К сожалению, нет. Я долго собиралась с мыслями и думаю, что утром навряд ли отважусь, — честно признала она и сделала глубокий вдох, как перед прыжком в ледяную воду. — Я понимаю, что вы привыкли отдавать работе всего себя, но я не могу работать по тринадцать часов в день, а то и по шестнадцать. Мне возраст уже не позволяет совершать такие подвиги. Я благодарна вам за бонусы и премии, которые вы мне ежемесячно выплачиваете, но боюсь, они не стоят того, чтобы я умерла прямо на работе. Я вас очень уважаю, но отныне собираюсь работать по графику, который оговорен в моем трудовом договоре. Если вы захотите, чтобы я уволилась, я пойму, — подытожила она.

— Я понял вас, Ольга Николаевна, — кивнул, впервые за последнее время присмотревшись к женщине. Она действи-

тельно постарела за эти годы, а я даже не задумывался над тем, что ей сложно работать допоздна, привыкнув к ее выносливости. – Работайте по графику. Я постараюсь найти помощницу на внеурочное время. Хорошего вечера.

Проблема казалась мне пустяковой. Наверняка найдется молодая особа, желающая подрабатывать секретарем по вечерам. Ничего сложного – распечатать и принести документы, которые я прошу, сварить кофе, заказать ужин, закрыть кабинет. Основную работу Ольга Николаевна выполняла днем, а по вечерам оставалась именно из-за таких вот мелких задач. На крайний случай я мог бы и сам все это делать.

Холодный воздух ворвался в легкие, коснулся лица, и дышать стало легче. Посмотрев на небо, усмехнулся нерешительности секретаря и сделал только шаг, увидев птичку там же, где встретил ее сегодня впервые. Да только переноску теперь она прижимала к себе.

– Все еще ждете мужа? – спросил я, останавливаясь рядом с ней.

Те слезы, что я видел несколько часов назад, были цветочками по сравнению с истерикой, в которой девушка пребывала сейчас. Она не могла произнести ни слова внятно, но протягивала мне платок, о котором я уже и думать забыл. Ну не из-за платка же она плачет? Где ее чертов муж, который никак не решается прийти?

– Пойдемте, – забрал я у нее переноску, понимая, что в

таком состоянии она может не дай бог ее уронить. Злость пробирала до самой души, но злился я не на нее, а на идиота, который бросил ее здесь.

Мигом оказавшись на ногах, девчушка смотрела на меня в неверии. Лишь тянула руки к сумке-переноске, но так и не могла ничего произнести, задыхаясь. Наверное, уже от возмущения.

– Пойдемте, – повторил я с нажимом, когда она почти коснулась ремешков.

Совесть не позволяла оставить ее на улице. Даже если она действительно ждет мужа, который наверняка провалился по пути сквозь землю, лучше пусть делает это в теплом месте. Так, по крайней мере, дурная голова не простудится да и ребенок не заболит. Крохотный же еще совсем.

Я сделал только два шага по направлению к машине, когда эта ненормальная запрыгнула мне на спину, вцепившись руками в шею. Теперь уже настала моя очередь удивиться. Осторожно поймав ее за капюшон свободной рукой, без труда отцепил от себя, но так и продолжал держать на вытянутых руках. Во избежание, так сказать.

– Вы с головой дружите? – поинтересовался я, оценив и то, как она пытается достать до меня ногами. Храбрая, но безголовая птичка.

А если бы я на автомате перекинул ее через голову? Ехали бы мы сейчас не в теплое место, а в травмпункт.

– Отдайте мне дочку! Немедленно отдайте мне дочку! –

сипло требовала она. Тряслась, боялась, но все равно требовала. – Я вас убью, если тронете ее хоть пальцем!

– Я отдам, вы только успокойтесь, – постарался я улыбнуться как можно доброжелательнее. За кого она меня приняла?

С трудом удерживался от того, чтобы не рассмеяться. Аккуратно опустив ее на ноги, еще некоторое время подержал ее за капюшон, убедившись, что она стоит на ногах и падать не собирается.

Воинственно смотрела на меня из-под шапки, которая съехала на глаза. Поправив головной убор, уступил мимолетному желанию потрогать помпон. Мягкий, но ершистый, как и хозяйка.

Старался воздержаться от резких движений, а потому осторожно протянул переноску, но не отдавал. Во-первых, еще не до конца был уверен в том, что она ее удержит, а во-вторых, пока переноска у меня – она будет говорить, но как только отдам – сразу сбежит.

– И куда вы сейчас пойдете? Обратно на лавку? – с улыбкой следил я за ее потугами. Девчонка пыталась по одному разжать мои пальцы, но у нее ничего не выходило.

– Даже если так, вам-то что? Я мужа жду, – храбро выплюнула она, небрежным жестом поправив снова съехавшую шапку.

– Что-то он не торопится. Днем ждали, сейчас вот уже больше двух часов сидите мерзнете. Себя не жалко, так хоть

ребенка пожалейте, – попытался я призвать ее к разуму.

– Не ваше дело, – громко шмыгнула она носом. Все-таки я был прав – замерзла.

– Не упрямитесь. Если вам негде остаться, вы можете переночевать у меня. Заодно и расскажете, что у вас приключилось. Конечно, если захотите. Вдруг я смогу вам помочь, – я произнес все это прежде, чем сам понял, что говорю.

Собирался дать ей отсидеться у себя до встречи с мужем. В крайнем случае отвезти туда, куда скажет, но, видимо, язык мой сегодня связь с разумом не поддерживал. Впрочем, то же самое касалось и сердца. Ну не мог я оставить ее на улице. Понимал, что произошло нечто неординарное, а иначе стала бы мать морозить своего ребенка на улице на протяжении нескольких часов? Я ведь могу помочь. Так почему бы и нет? Возможно, где-то в другой жизни кто-то точно так же поможет моей жене и моей дочке.

Я изо всех сил пытался выглядеть благонадежным. Мысленно просил ее довериться мне, но видел смятение и нервозность. Она будто разрывалась, не зная, как поступить. Эмоции так легко читались на ее лице. Птичка оказалась раскрытой книгой. Хоть прямо сейчас бери и изучай.

– Имейте в виду, – вновь нахохлилась она, задирая нос до небывалых высот. – Я знаю тридцать четыре способа, как убить вас сподручными средствами, которые имеются в моей сумке.

– Я в этом даже не сомневаюсь... – постарался я скрыть

довольную улыбку, благодаря бога за то, что тот дал этой женщине разум.

Хотя какая из нее женщина?

Девчонка.

Всю дорогу она громко сопела, всем своим видом показывая, что ей не терпится спросить у меня, куда мы едем, но независимо молчала, делая вид, будто все знает, да и вообще – бесстрашная дальше некуда.

Видел через зеркало заднего вида, как сжимает в руке крохотные маникюрные ножнички, но так, чтобы я их не видел. Если считает себя защищенной, то пусть прячет на здоровье. По крайней мере, прыгать мне на спину больше не будет.

Встретившись взглядом с огромными испуганными глазами, я кивнул ей на здание, что возвышалось над парковкой:

– Нам сюда. Нужно оставить машину на подвальном этаже, – пояснил я для нее, чтобы не придумывала себе страшные картины.

– Собираетесь изнасиловать? – спросила она почти что будничным тоном, в котором явно скользила дрожь.

– А как же! А еще я кровь младенцев пью по утрам, – решил я разрядить обстановку, но, увидев, как она начала закрывать собой переноску с попискивающим младенцем, все-таки добавил: – Это шутка. Меня, кстати, Павел зовут. А вас?

– Марина, – взглянула она на меня, а сомнение в моем психическом здоровье так явно отразилось на ее лице, что я

вновь не удержался от смешка.

– Очень приятно, – остановил я авто на своем парковочном месте. – Пойдемте, покажу вам, где мы с вами сегодня будем устраивать кровавую оргию... Да шучу я! Квартиру вам свою покажу.

Глава 3. Марина

Это было страшно. Действительно страшно – довериться совершенно незнакомому человеку, но я не обольщалась. Маникюрные ножнички так и лежали в кармане пуховика на случай, если мужчина окажется сумасшедшим или маньяком. Хотя... Как по мне, это одно и то же.

Правда, предполагала, что навряд ли хоть что-нибудь из маникюрного набора сможет мне помочь, если он действительно захочет навредить. При всем своем желании я не справлюсь с ним хотя бы потому, что он выше и шире меня. Тукнет разок по голове – и готово...

– Не стойте на пороге, – улыбнулся Павел, скидывая ключи в круглый аквариум, стоящий на столике у зеркала в прихожей.

Я действительно зависла. Едва мы вошли, я потеряла дар речи, потому что подобные интерьеры видела исключительно в журналах. Ну, может быть, еще в компьютерной игре «Симс». В просторной прихожей стояли широкий шкаф, столик, зеркало и небольшой диван. Имелась обувная лавка, но назвать прихожей в полном смысле этого слова я это помещение не могла. По той простой причине, что прихожая плавно перетекала в гостиную.

Отсюда я могла разглядеть массивный угловой диван, что наверняка был кожаным. Напротив него на стене висел теле-

визор, ширину которого я едва ли могла бы измерить, раскинув руки в стороны. По бокам от него имелись высокие узкие колонки, а перед ним – низкий столик.

На противоположной стене я видела картину и низкий книжный стеллаж, на манер архива. На полу – темный квадратный ковер с длинным ворсом, но на этом помещение не заканчивалось. Темная лестница, состоящая только из ступенек и перил, словно зависла в воздухе, разделяя зону гостиной и столовой. Больше отсюда я ничего разглядеть не могла. Несмотря на то, что вся мебель была темной, помещение оказалось довольно светлым из-за отделки и мелких деталей вроде светильников.

Я была восхищена и обескуражена, но из этого состояния меня вывел совсем не голос мужчины. Аришка, замолчавшая на время, вдруг решила разрыдаться.

– Сейчас мама тебя покормит, карапуз, – улыбнулся Павел, вставая рядом. Он уже успел раздеться и разуться. Смотрел на Аришку с такой нежностью, что мне вдруг стало неудобно. – Давайте, я его подержу.

– Это девочка, – поправила я мужчину, опасливо поглядывая на его протянутую руку. – Арина.

– Приятно познакомиться с вашей принцессой. Не бойтесь, я не уроню. Вам же нужно снять пуховик и разуться.

Сумку-переноску я ему все-таки отдала, но не потому, что он внушал мне доверие, а потому, что Аришка надрывалась, требуя сменить ей подгузник. Личико ее покраснело, а я по-

няла, что она готовит нам сюрприз.

Быстро стянув с себя сапоги, бегом поставила их на полку. Уже на лету стягивала пуховик, убирая его в просторный шкаф, что едва ли был заполнен на треть. Шапка легла на столик. Туда же отправился шарф. Забрав Аришку, я покрепче прижала к себе переноску и выжидательно уставилась на Павла, который в этот момент разглядывал мои носки. Очень даже симпатичные носки. Вязаные. Желтые.

– Что-то не так? – осторожно спросила я, подумывая над тем, а не фетишист ли стоящий передо мной мужчина.

А что? Ну должен же он быть ненормальным, раз пригласил к себе домой чужого человека. Я бы незнакомца навряд ли позвала. Не то что переночевать, а даже часок посидеть. Хотя бы потому, что любой незнакомец может оказаться бандитом или вором. В своем доме я привыкла ощущать себя защищенной. Правда, после того, как мне пришлось переехать к родителям Вани, я уже забыла, что такое тишина, уют и чувство защищенности. Все-таки воевать с ними мне время от времени приходилось.

– У вас носки... Очень желтые, – ответил он, отводя взгляд.

Сняв сумку с моего плеча, он направился через гостиную в сторону двери, что размещалась по правую сторону от лестницы. Видимо, поняв, что я не иду за ним, мужчина все-таки обернулся.

– Покормить надо, – кивнул он на плачущую Аришку.

– Это она мне сюрприз приготовила, – неловко отозвалась я, ощущая, как заалели щеки.

– Тогда тем более, – широко улыбнулся он. – Идите сюда. В гостевой спальне вам будет удобно.

Пересилив собственные страхи, я все-таки последовала за Павлом, думая о том, что ножнички забыла в пуховике.

Комната оказалась небольшой. Кровать занимала место у окна. По правую сторону ближе к двери стоял узкий платяной шкаф, а напротив него – компьютерный стол и кресло. Ростовое зеркало имелось на дверце шкафа. Именно оно отражало в себе свет настенного бра. Еще был ковер – почти такой же, как в гостиной, но круглый. Больше сюда ничего не поместилось.

Павел поставил мою сумку на кресло и развернулся, собираясь уходить.

– Мы у вас надолго не задержимся, – окликнула я его. Хотела сказать спасибо, но все еще оставалась настороже, а потому решила повременить с благодарностями. – Только до утра, – уточнила я.

– А потом куда? – обернулся он посреди гостиной, тогда как дверь в комнату оставалась по-прежнему открытой.

– Домой, – ответила после некоторой заминки, и он ее ощутил. Его темные глаза чуть сузились, а сам мужчина смотрел на меня с недоверием, будто я от него что-то скрывала.

– Ванная комната напротив, – произнес он сухо, растеряв

прежнее благодушие. А после поднялся наверх.

Аришка уже не плакала. Она что-то невнятно, но явно строго бурчала. Так было всегда, когда она выражала недовольство. И я ее понимала. Попробуй походи-ка весь день в памперсе, там не то что бурчать и плакать будешь. Волком завоешь!

Поставив переноску на кровать, я первым делом вынула оттуда дочку. Она смотрела на меня как на врага народа своими светло-голубыми глазенками. Почему-то при взгляде на нее я никак не могла отделаться от мысли, что она все прекрасно понимает. Просто делает вид, что это не так.

Высвободив ее из теплого комбинезона, я начала снимать и остальные вещи, оставив ее в итоге только в тоненьком боди с длинными рукавами. В квартире было не слишком жарко – вполне комфортная температура.

– Жаль, помыться нам с тобой сегодня не светит... – протянула я агукающему чуду, которое заметно повеселело, едва мы избавились от бомбы замедленного действия.

Пришлось обтирать Аришку влажными салфетками и щедро пользоваться присыпкой во избежание раздражения. Мысли о том, что принять ванну нам удастся только завтра, навели на другие – более мрачные. Не представляла, куда идти и к кому податься. Конечно, утром мы сходим в ломбард, купим билет обратно, но дальше... Карту выдадут только через неделю после того, как я подам заявление на перевыпуск – выбрала банк на свою голову, – а что до этого момента де-

лать?

Жить неделю с Ваниными родителями? Точно не смогу. Да и сейчас мне с ними еще больше хочется скандалить, чем раньше. Екатерина Эдуардовна наверняка знала все о похождениях сына, раз так рьяно уговаривала не ехать. Да и деньги я этому мерзавцу переслала по ее наставлению. Она убедила меня в том, что он уже нашел для нас прекрасный вариант, но не говорит, потому что хочет сделать сюрприз. Теперь я понимаю, что повелась на ее слова как дура. Побегала, теряя тапки, делать перевод. Хорошо, хоть додумалась оставить себе немного, а иначе за первый месяц аренды нам с Аришкой платить было бы нечем.

А арендовать действительно придется. Нет, однокомнатную квартиру я не потяну, но комнату вполне себе. Да только как дальше? За аренду придется платить каждый месяц. Остается надеяться, что смогу найти себе какую-нибудь удаленную работу через интернет. Пусть и не слишком оплачиваемую, но нам много и не надо. Лишь бы на аренду да на Аришку хватало.

Стук в дверь раздался как раз в тот момент, когда я собиралась переложить дочку обратно в переноску и отправиться на поиски ванной. Выходить из комнаты не хотелось, потому что ощущала я себя неловко, но Павел появился сам.

– Входите, – пискнула я, понимая, что в своем доме он, в принципе, может не стучать, но проявляет уважение.

Дверь приоткрылась, а я так и замерла на руках с Ариш-

кой, которая пыталась ухватиться за мои волосы. Вот нравились они ей.

– Давайте я с ней посижу, – предложил Павел, делая шаг в комнату.

Он уже переоделся – был облачен в домашние штаны и светлую футболку. Вписывался в интерьер необычной квартиры, а я же со своими желтыми носками и голубой толстовкой выделялась как на его фоне, так и в целом. Как будто из другой галактики прибыла.

– Мне не хочется вас утруждать, – попыталась я отказаться от сомнительного предложения.

– Вы меня не утруждаете. Я люблю детей, – сделал он еще один шаг, вторгаясь в мое личное пространство.

Так и хотелось спросить: «Под каким соусом?» – но все слова потонули в негодовании, потому что мужчина уже осторожно взял Аришку на руки, совсем легонечко покачивая ее. В его руках она казалась совсем крошкой, а он, наоборот, – таким огромным, что страшно становилось. А если он ей что-нибудь сломает? А если уронит?

– Нет-нет, не надо. Я сама... – хотела я забрать дочку, но он не дал.

Посмотрел на меня с явным скепсисом, тщательно пряча улыбку в уголки губ. Это что это? Он насмехается надо мной?

– Идите в ванную. Я посижу с ней. Обещаю, что ничего не случится. Я оставил для вас в ванной полотенце, халат и

тапочки.

Теперь со скепсисом на него смотрела я.

– Да не съем я ее! – широко улыбнулся он, но, едва я сделала шаг в гостиную, тихонько и как-то даже игриво добавил: – Разве что понадкусываю.

Не стоит говорить, что обмывалась я наспех. Тщательно вымыла грудь, но волосы не мочила, потому что высыхали без фена они очень долго. По самые уши завернувшись в огромный темно-синий халат, обула мужские тапки, которые были больше размеров на пять, и решила, что у меня есть время постирать носки. Тем более что, сколько бы я ни прислушивалась, а криков дочки не слышала. Однако это могло означать все что угодно, а потому обратно я торопилась.

– А вот и твоя мама, – проворковал мужчина, пальцами касаясь Аришкиных ладошек.

Она пыталась поймать, схватить его в плен. Улыбалась беззубым ртом. Такая радостная, такая восторженная. За время моего вынужденного отсутствия спальня совсем немного видоизменилась. Кровать оказалась застелена белым, а сверху мужчина положил целых четыре подушки. Две подушки закрыли стену, одна лежала в изголовье, а последняя – посередине, создавая тем самым подобие обнесенного забором островка. Я тоже так делала, когда укладывала Аришку с собой.

Наверное, у него тоже есть дети.

– Спасибо, что посидели. И за кровать спасибо, – кивнула

я, спешно пряча носки на батарее.

Ощущала на себе его изучающий взгляд. Видела улыбку, что пряталась в уголках его губ. Понимала, что в его халате и тапках выгляжу смешно, а потому попыталась стянуть ворот халата плотнее. Тот факт, что он волочился по полу, меня смущал еще больше.

– Не за что. У вас чудесная дочка, – поднялся он с постели. – Не засыпайте пока. Вам нужно поесть.

Павел уже вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь, а я так и стояла перед кроватью, поглядывая на что-то агукающую Аришку. Она то широко улыбалась, то становилась серьезной, как если бы рассказывала мне о происходящем в мое отсутствие. Мне даже показалось, что она ругает меня за то, что я так рано вернулась и нарушила их идиллию. Перед глазами так и стояла волнующая картина. В своих мечтах я бы хотела видеть на месте Павла Ваню... Раньше. Частенько представляла, как он играет с дочкой, как помогает мне. Я думала, что так и будет, – вот-вот, нужно потерпеть совсем немного. Но моим мечтам не суждено было сбыться.

Чувствовала себя неудобно, некомфортно. Аришка в конце развеселилась и спать, судя по всему, не собиралась. Присев рядом с ней, я тихонько трясла погремушку. Жутко хотелось лечь, но правда в том, что я усну, едва голова коснется подушки. День был насыщенным для нас обеих, но Павел прав: поесть необходимо.

Думать о том, как много я потеряла, не хотелось совершенно. Ваня – моя первая любовь. Ради него я всегда была готова и в огонь, и в воду. Соглашалась с ним почти во всем, потому что твердо верила, что он знает лучше, как нам будет комфортнее. Именно поэтому после школы я не поступила в институт, а отправилась с ним. Во-первых, мне самой хотелось посмотреть страну, учитывая, что раньше я никуда не выезжала, а во-вторых, Ваня сразу сказал, что его жена работать не будет. Ему хотелось приходить домой и видеть счастливую женщину, которая поддерживает и создает уют в его доме. Стирка, готовка, уборка – это было несложно. Немного рутинно, но несложно. Тем более что я знала, для кого стараюсь.

А теперь не понимала. Вспоминала ту блондинку, что прижималась к нему, и не понимала. Навряд ли она стирает его носки и варит ему борщи. Такая похожа на бизнес-вумен, для которой все это делает кто-то еще, но, наверное, ему с ней интересно. Есть о чем поговорить кроме удачно купленных распахнонок по скидке и детском стуле.

Я знала, что давно потеряла себя. Но мне казалось – в отношениях это нормально, когда один ведет, а другой подстраивается. Именно поэтому я так безоговорочно доверяла ему и рассчитывала на него. Даже подумать не могла о том, что когда-нибудь он нас оставит. Это не укладывалось в моей голове. Я помыслить не могла, что мы можем расстаться. Мне казалось, что это один раз и на всю жизнь. Именно по

этой причине я никогда не задумывалась о том, что мне нужно как-то себя подготовить, придумать план, иметь запасной аэродром.

Наверное, если бы я хотя бы на секунду могла представить, что Ваня способен на то, чтобы бросить нас, я бы никогда не продала квартиру, продолжая ее сдавать. Наверное, я бы откладывала часть денег в укромный уголок, чтобы иметь возможность себя обеспечить. Наверное, я бы пошла учиться дальше, чтобы получить хоть какое-то образование. Наверное...

Жаль только, что думала я в тот момент не головой, а влюбленным отсутствием мозгов.

– Марина, идите за стол, – заглянул Павел в комнату после тихого стука.

Осторожно переложив Аришку обратно в переноску, я вышла в гостиную и обошла лестницу. Здесь действительно была столовая, а чуть дальше – вполне просторная кухня. Она не просматривалась с порога, потому что скрывалась за стеной, но теперь я могла разглядеть каждую деталь.

– Давайте переноску на стулья поставим? – предложил мужчина, сдвигая два стула вместе.

Осторожно поставив сумку на стулья, я окончательно растерялась. Со стороны плиты вкусно пахло, а я все не знала, как предложить свою помощь. Все-таки неудобно, что нам и переночевать предложили, и кормить собираются.

– А давайте я вам чем-нибудь помогу? – спросила я,

поглядывая на прямоугольный стол, сервированный на три персоны.

– А давайте, – кивнул Павел, доставая из холодильника хлеб, сыр и масло. – Можете по тарелкам пока все разложить.

Собрав со стола тарелки, я прошла к плите. Растерянно оглядывалась по сторонам в поисках большой ложки, но кухонная утварь не висела на стенах, как это было у меня, и даже не стояла в подставке, как это было у родителей Вани.

– Верхний ящик справа, – подсказал мне Павел, не отвлекаясь от нарезки хлеба и сыра.

Достав большую ложку, я осторожно убрала с кастрюли крышку, воспользовавшись полотенцем. Вышла еще одна заминка, пока я соображала, куда бы переставить железную накладку, на которой лежали кусочки рыбы, приготовленной на пару. Отставив ее на одну из тарелок, я накладывала гречку, но, когда взялась за последнюю тарелку, меня окликнул Павел:

– Марина, мы ждем гостей? – смешливо поинтересовался он, убирая хлеб и сыр в холодильник.

– Не знаю, – честно ответила я. – Вы ждете гостей?

– Нет. Третью тарелку я поставил, чтобы не обижать Арину. Но думаю, кушать гречку в таком возрасте ей навряд ли можно, – ответил он совершенно серьезно, а я подумала о том, что он точно чокнутый.

Вот теперь сложились все детальки и я с уверенностью могла сказать, что у него не все дома. Ну кто будет накры-

вать на стол на ребенка, который даже есть сам еще не умеет? Правильно, чокнутый.

– Можно я поставлю телефон на зарядку? – спросила я, раскладывая рыбу.

– Вам нужна зарядка? – поинтересовался мужчина, вылавливая из маленькой кастрюльки яйца.

– Нет, розетка. Просто я не смогла понять, как она открывается, – призналась я, ощущая, как полыхают щеки.

Розетку я действительно в комнате нашла, и даже не одну, но вот как их открыть, так и не догадалась. Никаких кнопок не было. Я даже поковыряла накладку с разных сторон, но поддаваться мне она решительно не желала.

– Помогу вам после ужина.

Вареные яйца я тоже порезала и кругляшами выложила на наши тарелки. Первой садиться не решалась, но нашла себе занятие быстро. Ставила чайник, пока Павел стоял рядом и смотрел, как я поджигаю газ.

– А где у вас кружки? – спросила я, не зная, куда деть руки. Спрятав их за спину, ощущала себя нашкодившим ребенком. Нет, ну мало ли. Может, он не собирался пить чай, а я без спроса взялась хозяйничать.

– Садитесь за стол. Я сам приготовлю. У меня есть только черный, – открыл он шкафчик над мойкой.

– Это хорошо, – пробормотала я, поправляя Аришке одеяло.

Все это время она и не думала засыпать. Тихонько лежала

в переноске, разглядывая новый для себя мир. Интересно, что она видела вокруг? Уже потихоньку начинала концентрироваться на чем-то одном, но все равно взгляд ее гулял.

– А вы за здоровое питание? – поинтересовалась я, чтобы заполнить тишину.

– Я? Нет, – ответил он, а я ощущала, как на его губах появляется улыбка. – Я люблю все вредное, но вам ведь сейчас многое нельзя.

Я стыдливо покраснела от такого намека. Он лишь мельком взглянул на мою грудь, чтобы точно дать понять, о чем говорит. Естественно, он имел в виду кормление, но мне почему-то стало не по себе. А еще я растерялась. Растерялась, потому что он входил в мое положение даже в таких мелочах, как еда. Представив, как он сейчас будет давиться сухой гречкой и безвкусной рыбой, я его пожалела.

– Я могу вам что-нибудь приготовить. Другое, – дополнила я свой ответ, так и не притрагиваясь к еде.

– Зачем? – удивленно вскинул он брови, выключая чайник еще до того, как свисток набрал полную мощь и напугал бы Аришку. – Я неприхотливый.

Ели в молчании. Старалась не выглядеть совсем деревней, но хотелось быстрее разделаться с поздним ужином и уйти обратно в комнату. Я прямо-таки ощущала себя помидором под его изучающим взглядом. Павел не скрывался – смотрел на меня в открытую, и его это вообще не смущало.

– Давайте я помою посуду? – спросила я, когда с едой было

покончено.

Аришка ворковала, что-то рассказывая, а мужчина смотрел на нее с каким-то детским восторгом и беззастенчиво передразнивал.

– Зачем? Для этих дел есть посудомоечная машина, – ответил мужчина, убирая при этом тарелки в раковину.

Поставив на стол кружки, сахарницу и вазу с печеньем, он вновь внимательно оглядел меня, будто выискивая что-то такое, что было ведомо только ему.

– Рассказывайте, что у вас приключилось? – обратился он ко мне так легко и так... Будто в душу наступил. Нельзя же быть таким бесцеремонным.

– А можно я не буду ничего рассказывать? – осторожно спросила я, не желая расплачиваться за помощь неблагодарностью. – Мы завтра уедем, честное слово. Нам бы только утра дожждаться.

– Хорошо, – коротко ответил он, вставая из-за стола.

– Спасибо, – прошептала я сдавленно. – За все.

Наверное, я его все-таки обидела. Забрав с собой кружку, я взяла переноску и отправилась обратно в комнату. Павел шел чуть позади. Уже в спальне он сухо объяснил мне, как открыть розетку, но поблагодарить его за помощь, я не успела. Мужчина вышел и закрыл за собой дверь.

– Я дура, да? – тихонько спросила я у Аришки.

Дочка пробормотала что-то невнятное, но мне показалось, что она снова меня ругает. Где-то там в ее словах пря-

талась фраза: «А есть сомнения?» – но об истинном смысле я могла лишь догадываться. Проверив памперс, я обработала кожу присыпкой. Когда прочищала нос, она чихнула и посмотрела на меня с недовольством. А что поделать? Мне это тоже не нравится.

Ползунки натягивать не стала. В комнате было достаточно тепло. От царапок мы давно избавились – еще в недели три, а потому Аришка осталась только в боди. Его и одеялка будет достаточно.

– Ну что? Сделаем последний рывок? – поинтересовалась я, перекладывая ее на живот.

Всегда удивлялась любознательности малышей. Для них каждый день – это новое открытие. Аришка уже старалась держать голову, пыталась приподниматься на руках, но, как и все малыши, быстро уставала, поэтому так называемые тренировки мы делали короткие, но проводили часто в течение дня.

Ариша вообще меня поражала. Она родилась семимесячной и первый месяц провела под куполом, но за этот же месяц легко набрала вес до двух килограмм. Когда нас выписали домой, счастьем моему не было предела. Я не любила больницы. Да и кто их любит? Наедине с ребенком как-то спокойнее.

В развитии она нисколько не отставала от других деток, которые родились в положенный срок. Все делала как по часам, согласно своему возрасту. Первые недели я до тря-

сучки боялась, что она может умереть, но постепенно этот страх притупился. Нет, не ушел совсем, потому что, когда она родилась, я вдруг поняла, сколько смертельных опасностей поджидало ее буквально за каждым углом, но со своими страхами я научилась справляться самостоятельно. В конце концов, она не первый ребенок на земле. Просто нужно избегать ситуаций, которые могут обернуться неприятными или трагичными последствиями.

– Уфф! – произнесла Аришка, будто устала, прильнув головой к пеленке.

– Что, ласточка? Потрудились, пора бы и честь знать, – перевернула я ее на спину и накрыла одеяльцем.

Не снимая халата, быстро юркнула под холодное одеяло. Горел только бра, но на ночь я выключать его не стала. Пока еще спали со светом, но скорее из-за меня, чем из-за Аришки. Когда вскакиваешь посреди ночи, в темноте ориентироваться не слишком удобно.

– Ложкой снег мешая, ночь идет большая...

Глава 4. Павел

Я мыл посуду. Нет, не ополаскивал, чтобы поставить ее в посудомоечную машинку, а именно мыл. Где-то слышал, что это успокаивает нервы, но что-то мои личные нервы приходить в порядок не собирались. Злился. Прекрасно понимал, что у Марины какие-то проблемы, раз она даже не заикнулась о том, чтобы я отвез ее к ней домой. Не каждая согласится пойти с незнакомым мужиком к нему, а уж с ребенком и подавно, но эта птичка согласилась, из чего я смело могу сделать вывод, что идти ей больше было некуда.

И вот что сложного рассказать? Не понимал. Я ведь предлагал ей помощь. Бескорыстно, между прочим. Переночевать предложил, с мелкой посидел, об ужине позаботился. Разве не достоин я хотя бы капли доверия?

Вздыхнув, я убрал чистую посуду в шкаф. Хотел уже уйти наверх, чтобы наконец посидеть над предварительным договором, но замер прямо на лестнице.

Марина пела. Пела колыбельную для своей дочки, а мне казалось, что я слышу Юлькин голос. Сил не осталось. Сев прямо на ступеньки, я тяжело привалился спиной к перилам и прикрыл веки. Если не знать, что там, за дверью, совсем чужие мне люди, можно на секунду представить, будто не было этих двух лет одиночества. Словно там лежит моя жена, укладывающая спать мою дочку.

В сердце полыхнуло болью. Говорят, что мужчины не плачут. Врут. Еще как плачут, когда от них отрывают часть их души. Когда понимают, что невозможно повернуть время вспять. Когда хоронят себя там же, на кладбище, а вместо человека остается только живой труп. Когда не понимаешь, как дальше жить.

Голос стих, а я еще долго сидел на ступеньках, ощущая одиночество, которое вернулось вместе с тишиной. Сегодня в этой квартире стало теплее, но уже завтра мне вновь не захочется сюда приходить. Когда ты один, сложно делать вид, что все нормально. Не для кого.

С документами я разбирался долго. По несколько раз перечитывал каждый абзац, стараясь не упустить из виду ни одну деталь. Они завысили цену на тридцать процентов, а я хватался за голову, не представляя, откуда брать недостающую разницу. Мог бы вложить свои личные деньги, но давно понял суть любого бизнеса: казна отдельно, заработок отдельно. Иначе можно остаться без штанов, не только лишившись бизнеса, но и последних трусов.

Кто-то плакал. Часы на ноутбуке показывали три часа ночи, а я судорожно вспоминал, у кого из моих соседей появился ребенок. Не то чтобы я был знаком с каждым соседом, но иногда пересекались в общем холле или на парковке. Звук шел откуда-то снизу...

До меня слишком запоздало дошло, что у меня сегодня в квартире гости. Я отложил бумаги и спустился вниз. Плака-

ла именно Арина. Прильнув к двери, я вслушивался в ее нарастающий плач, пытаюсь распознать среди него голос Марины, но она не успокаивала дочку. Бывало такое, что Юлька сильно уставала и не слышала плача. Видимо, моя гостья тоже спала слишком глубоко.

Тихонько постучав, я не услышал отклика, а потому вошел сам. Арина надрывалась и размахивала ножками и ручками, стараясь привлечь к себе внимание, но Марина спала. Под светом бра было видно, что девушка взмокла под одеялом. На лбу виднелись бисеринки пота, а приоткрытые губы казались сухими.

– Это кто у нас тут плачет? – шепотом поинтересовался я, поднимая девчушку на руки вместе с одеялом и слегка покачивая. – Проголодалась, наверное? А что же мама не просыпается? Марина? – осторожно тронул я ее за плечо. – Марина?

Переложив Арину в переноску, я дал ей соску, которую нашел там же. Девчушка жадно вцепилась в нее губами, громко причмокивая, что еще раз подтвердило ее голод.

Марина не проснулась даже тогда, когда я положил ладонь ей на лоб. Девушка горела. Сдернув с нее одеяло, я потрогал ее руки и ноги, что не были прикрыты халатом. Ее кожа оказалась влажной.

– Так, – подытожил я, судорожно вспоминая, что нужно делать. – Нам с тобой Аришка, надо подумать. Давай-ка сначала измерим твоей маме температуру и вызовем врача, а

потом разберемся, чем тебя кормить.

Электронный градусник показал 38,7, что было в сложившейся ситуации очень плохо. Набрав знакомому врачу, попросил приехать.

– Главное – не паниковать! – заявил мне Георгий Владимирович. – Если в комнате жарко, приоткрой окно. Компресс на лоб, обтирание водой и водкой. Я буду минут через тридцать.

Забрав с собой сумку Марины и переноску, я поставил ее на стол в столовой. Смеси предсказуемо не обнаружилось, а вот бутылочка – очень даже. Молоко в холодильнике имелось, но манку пришлось искать долго, потому что я даже не помнил, была ли она у меня в шкафу. Мог бы смотаться до круглосуточной аптеки, но оставлять Марину не хотел. Тем более что ждал врача, а Арина есть желала прямо сейчас.

Разбавив молоко водой, вскипятил его и добавил щепотку манки – совсем чуть-чуть, чтобы было попитательней. Остужать пришлось под холодной струей. Чуть не забыл, что надо проверить на руке, прежде чем давать. Воспоминания всплывали неохотно, потому что два года я прятал их даже от себя, но сейчас без них я бы навряд ли справился.

Не знал, сколько нужно ей давать, но девочка съела полную бутылку. Смешно причмокивала губами, даже не открывая глаз. От соски отказалась. Прикрыв ее одеялом, я перенес сумку на диван, чтобы наконец заняться ее матерью. В комнату переноску не заносил. Боялся, что Марина заболела

и может заразить дочку. Что-что, а лечить младенцев я не умел.

– Прошу прощения за посягательство, но лучше так, чем лежать с температурой, – проговорил я вслух, беззастенчиво стягивая с девушки халат.

Несмотря на то, что ответить она мне не могла, я старался сильно ее не разглядывать. То и дело оборачивался на переноску. Дети – они такие: на секунду отвернешься, а там уже Армагеддон случился.

Обтирал девушку влажным полотенцем. Водка и вода – ничего сложного. Старался не намочить белье. Самое обыкновенное белье – без рюшей, бантиков или кружева. Слегка застиранное – на лифе имелись катышки, но не разглядывать ее не получалось. Я даже на ощупь пробовал обтирать, закрыв глаза, но лишь разозлился на себя. Быстро поелозив полотенцем, бросил его в тазик, а ее накрыл простышкой. Девчушка спокойно спала, пока я мочил водой второе полотенце, чтобы уложить его на лоб девушке.

Марина вяло сопротивлялась, но не просыпалась. Температура никак не хотела спадать. Дождавшись врача, не мог найти себе места. Так и сидел на диване рядом с Ариной перед открытой дверью, пока Георгий Владимирович делал осмотр.

– Павел, ребенка сюда лучше не вносить, – первым делом заявил доктор. – Ничего сверхъестественного – всего лишь ОРВИ, но таким маленьким лучше совсем не болеть, – улы-

бался Георгий Владимирович, рассматривая спящую мордашку.

– Хорошо, – кивнул я на автомате.

– Девочка приходила в себя, но соображает туго из-за температуры. Жаропонижающее я дал, противовирусное тоже. К утру станет легче, однако постельный режим надо соблюдать. Купи вот эти препараты и проследи, чтобы следовала инструкциям. Горло красное, поэтому неплохо было бы полоскать. Грудью не кормить. Пусть сцеживает, чтобы молоко не пропало...

Я слушал, внимал и записывал. Меня мало волновало, что девушка может задержаться здесь на неделю, а то и на две. Главное, чтобы выздоровела, а еще – перестала смотреть на меня как на врага народа. Ничего же не сделал, чтобы она своим взглядом упрекала меня за помощь, которую я ей оказал. Будто я ненормальный, честное слово.

На всякий случай Георгий Владимирович осмотрел и Арину. Порывшись в сумке, я нашел паспорт и свидетельство о рождении. Малышке было всего-то два месяца, но врач убедил меня, что при соблюдении элементарных норм девочка заразиться не должна. Проветривать, лечить, не давать дочку, приковать к постели – ничего сложного, если бы объяснял Марине все это он, но, увы, придется именно мне. Какой будет ее реакция, даже представлять не хотел.

Георгий Владимирович написал мне название смеси, которой лучше всего кормить девчушку. На мой экспромт с

молоком и манкой только усмехнулся, но ничего сказал. Никогда не задавал неудобных вопросов, и именно поэтому знакомство было ценным. Очень ценным и очень дорогим.

Не спал до самого утра. Пытался работать, но не получалось. Аришка путешествовала по дому со мной, даже не думая просыпаться. Несколько раз я проверял температуру и у нее, и у Марины. У девчушки симптомов не наблюдалось, а ее мама радовала постепенным снижением температуры. Едва на часах показалось шесть утра, я созвонился с секретарем.

– Ольга Николаевна, доброе утро. Мне ваша помощь нужна. Можете ко мне приехать прямо сейчас?

– Что-то случилось? – поинтересовалась она сонным голосом.

– Ничего непоправимого, но ваша помощь действительно нужна. И возьмите такси, я оплачу.

Секретарь явилась через полчаса. Не слишком довольная ранней побудкой, но, едва она увидела переноску в моих руках, лицо ее тут же преобразилось.

– Это кто у нас тут спит такой сладенький? Это что за сокровище? – прокралась она ко мне кошачьей походкой, не решаясь забрать переноску.

– Арина. Дочка моей хорошей знакомой. Марина спит в гостевой – она заболела, а вот с этой крошкой нужно посидеть, пока я смотаюсь в аптеку и за продуктами.

– Да я же с радостью, – забрала она у меня переноску.

– Я быстро вернусь. Если проснется, дайте ей соску, а если Марина выйдет, пошлите ее обратно. Скажите, что я вернусь и все объясню.

На том и порешили. Заехав в аптеку, я купил лекарства и несколько упаковок смеси. В супермаркете затарился продуктами, но вынужденно сделал еще одну остановку рядом с детским магазином. Кое-что помнил сам, что-то мне подсказали менеджеры. Я прекрасно понимал, что ребенку нужна кроватка, ванночка, пеленки, одежда и еще куча всего, что поместилось в четырех пакетах. У меня глаза на лоб лезли от радионяни, сумки-холодильника и разнообразности сосок для бутылочек – я не помнил, чтобы Юлька покупала что-то подобное, но все равно соглашался с менеджером. А уж когда девушка тонко намекнула мне о том, что младенцам лучше покупать специальную воду, я почти взвыл, но и бутылки купил. А как иначе?

Когда я вернулся домой, Арина уже проснулась и остервенело терзала соску, то и дело хмуря свой лоб. Марина еще не вставала, и это хоть немного, но успокаивало. Подсознательно ждал атомного взрыва, не меньше. В любом случае я решил настаивать на разговоре. На откровенном разговоре, потому что отпустить ее в таком состоянии я готов был только в руки к родственникам. Чувствовал, что теперь в ответе за нее, за них.

Ольга Николаевна покормила Аришку, помогла разобрать мне сумки, сварила бульон, а потом отправилась в офис. Я

сказал ей, что сегодня точно буду работать дома, а завтра... Завтра будет завтра.

– Аришка? Аришка? – услышал я голос Марины. Она надрывно кашляла, а потому я поторопился к ней со стаканом воды, куриным бульоном и лекарствами.

Когда открыл дверь, она уже сидела на постели, запахивая халат.

– Что вы со мной сделали? Где моя дочь? – попыталась она показаться грозной, но голос ее был слабым. Зато выражение лица передавало каждое матерное слово, которое она с трудом сдерживала. Черт, да я себя настоящим злодеем почувствовал.

– Не напрягайте горло. Арина уснула после смеси. Вам тоже нужно поесть и выпить лекарства. Врач прописал постельный режим... – мягко отвечал я, ставя поднос на тумбочку.

– Ты, козел, где моя дочь?! – вскочила она на ноги, но пошатнулась.

Поймав ее одной рукой, я совсем не ожидал, что она замахнется на меня, желая ударить. Перехватив ее запястье на голых инстинктах, собирался подождать, пока успокоится, чтобы объяснить ей происходящее. Но она так смотрела на меня. Так пронзительно, пряча ужас за напускным бесстрашием, готовая на все, чтобы уничтожить злодея и сбежать, спасая свою дочку...

Я ее поцеловал. Не знал, что на меня нашло. Не пони-

мал, но целовал – осторожно, бережно, стараясь успокоить ее этим касанием. Желая, чтобы поверила, что ей ничего здесь не угрожает. Я ведь помогаю. Просто помогаю, целую чужую жену.

Ощувив ее слезы, я отстранился. Растерянно смотрел на нее, усаживая обратно на кровать. Нервный смешок вырвался сам по себе:

– Что? Настолько плохо целуюсь?

– Ужасно... – прошептала она, пряча от меня свой взгляд.

Черт возьми, что я несу?

– Может быть, стоит попробовать еще раз?

Глава 5. Марина

Чувствовала себя откровенно плохо. Не только из-за поцелуя, что свалился как снег на голову. Мышцы ломило, а голова отказывалась связно мыслить. Ощущала себя растерянной, сломанной и, наверное, жалкой.

Горло нестерпимо болело, свербело, и его хотелось почесать изнутри. В голове туман, а нос заложен так, что нечем дышать. После поцелуя меня здоровски потряхивало, а еще хотелось вернуться обратно под одеяло, но я помнила об Аришке. Ее я в комнате не наблюдала.

– Где моя дочь? – повторила я, не скрывая слез, что обжигали щеки.

Надо было подняться на ноги, но сил не имелось. Отчетливо понимала, что вчера все-таки умудрилась заболеть. Лишь бы Аришка не заразилась. Хотя заразится в любом случае. Нам еще обратно вместе ехать.

– Арина поела и спит. Вам тоже не помешает. Кроме бульона, пока ничего предложить не могу. Лекарства и рекомендации врача на подносе. Ешьте, полоскайте горло, пейте лекарства и спать. – Тон Павла к концу отповеди стал приказным, а я смотрела на него во все глаза и не могла понять, какого черта он глядит на меня как на вселенское зло.

И тут до меня дошло:

– Вы меня поцеловали! – воскликнула я, чтобы тут же за-

кашляться.

– Не напрягайте горло. Я вас успокоил, – недовольно сложил он руки на груди, отворачивая лицо в сторону окна.

– Чем вы кормили Аришку? – спросила я о важном.

– Смесью, которую порекомендовал врач. Как закончите, позовете. Нам нужно поговорить.

– Не буду я с вами ни о чем разговаривать! – все-таки вскочила я на ноги, собираясь бежать отсюда куда глаза глядят. Да он же точно сумасшедший! Он меня поцеловал! – Спасибо за помощь, мы сейчас же уйдем.

Я направилась к стулу, на котором лежали мои вещи, но Павел вдруг схватил меня за руку и дернул назад. Я упала в его объятия, ошеломленная от такого поведения. Это что он себе уже придумал?

– Успокоилась, села, поела, выпила лекарство, позвала меня, – процедил он сквозь зубы, насильно усаживая меня обратно на кровать. – Приду, проверю. Хочешь уйти, дай мне номер родственников, чтобы они тебя забрали.

– Да как вы...

– Все.

Он вышел из комнаты, но дверь не закрывал. Я прекрасно видела, как он взял переноску и поднялся наверх по лестнице. Мелко потряхивало от страха. Я всегда умела вляпываться в неприятности, но чтобы так – с размахом... Он точно больной. А как разговаривать с психами? Нужно выполнять то, что они говорят.

Запершись в ванной, я, как и вчера, безуспешно пыталась дозвониться до Вани. И если вчера трубку он не брал, то сегодня мои звонки скидывались сразу после первого гудка. Я знала, что это такое – он внес мой номер в черный список, и как без его помощи выкручиваться, не представляла. Забравшись в интернет, включила геолокацию, чтобы определить, на какой улице нахожусь. Набрав полицию, постаралась коротко объяснить, что попала в руки к психу, который удерживает меня и мою дочь в своей квартире. Назвав адрес и номер квартиры, который вчера видела на двери, ополоснула лицо холодной водой и вышла в гостиную.

Слышала его голос. Понимала, что ждать полицию – это время. На глаза попалась ваза, что стояла на книжном шкафу. Ей-то я и вооружилась, крадясь вверх по лестнице. Дыхание было рваным, сухим – ничего необычного при температуре. Голос разносился из комнаты, что находилась ближе всех. Первым делом я увидела мужчину, что сидел в кресле за компьютерным столом спиной ко мне. Разговаривал он, оказывается, с Аришкой, которая тихонько ворковала, лежа в переноске. Сумка стояла на низком диване по левую сторону от стола. И вот только я замахнулась, как Павел решил обернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.